

Алексеев Николай Николаевич (1879-1964) – философ права, профессор права в Москве, затем в Праге и Берлине. С 1931 года преподавал в Страсбурге, в Белграде, затем в Женеве. Право в системе взглядов Н.Н. Алексеева трактуется, прежде всего, как «правомочие», т.е. как возможность осуществления тех или иных действий, в отличие от правовых систем, в которых на первый план выдвигается «обязанность» и «долг».

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

<...> Отношение права к идее целого приводит нас к установлению основной правовой ценности — к справедливости. Древняя формула справедливости, как известно, гласит: «*Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi*» (Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам). Вдумываясь в содержание этой формулы, нельзя не видеть, что справедливость мыслится как некоторый порядок отношений, в котором каждому члену принадлежит свое место и каждому причитается то, что ему принадлежит. Идея такого порядка мыслится как некоторая целостность, как органическая связь. Нет никакой особой органической справедливости, как это в настоящее время иногда утверждают, но каждый справедливый порядок есть идеальный организм. В нем каждый член, имея причитающееся ему, не может не стоять в отношениях ко всем другим, не может быть не связан с ними органической связью.

Глубочайшей основой идеи справедливости является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, — мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства. Правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое. Чтобы почувствовать всю интимность связи между идеей справедливости и идеей ценностного порядка, следует сопоставить понятие справедливости с понятием теоретической истинности («правду-истину» с «правдой-справедливостью»). Допустим, что нам нужно разместить ряд чисел в порядке их возрастающей или убывающей величины или ряд цветов в порядке их яркости. Размещение это может быть произведено нами «правильно», но мы можем допустить в нем и ошибку. Ставя, например, в ряде возрастающих величин 4 ранее 3, мы грешим против истины, мы заблуждаемся. Заблуждение это неправильно характеризовать как «несправедливость». Тот, кто утверждает, что 4 менее 3, не совершает еще никакого несправедливого поступка и, наоборот, утверждающий, что 4 более 3, не может гордиться своей справедливостью. Он просто совершает ошибку или утверждает истину. Но явно несправедливое дело совершает тот, кто неправильно размещает ценности, грешит против их порядка. Неправильность в порядке ценностей ощущается не как ошибка — или, вернее, не только как ошибка — но как нечто большее, чем ошибка, — как несправедливость. Несправедливость есть ошибка, как бы особо квалифицированная, обладающая особыми качествами. Так, например, награда ничем не отличившегося солдата знаком отличия за храбрость или увенчание высшей наградой за храбрый поступок среднего качества являются деяниями несправедливыми. Деяния эти могут основываться на ошибке, но могут происходить и из сознательного намерения. Справедливость по идее своей есть, следовательно, истинная мера относительного достоинства ценностей. Эти последние и суть элементы всякого справедливого порядка. Порядок справедливости как порядок правильного отношения ценностей есть порядок чисто идеальный: и потому чисто идеальной природой обладает и то целое, которое образуют правильно относящиеся ценности. Оттого к нему неприменимы какие-либо определения, заимствованные из мира временных отношений. Ошибочно также отождествлять это целое с какими-либо реальными целокупностями, на пример с «общественным целым». Вопрос о существовании различного рода реальных целокупностей, например социальных организмов, есть вопрос чисто опытного знания, вопрос эмпирической социологии или культурной морфологии, как в настоящее время иногда говорят, — и этот вопрос ничего общего не имеет с вопросом об основных предпосылках права. Но поскольку всякая ценность может быть воплощена в действительности, постольку, конечно, и

действительное общество может быть справедливым и несправедливым. Однако в реальном обществе, воплотившем в себе ценности, мы имеем дело уже не с их чистым идеальным смыслом, но с его реализацией, — имеем дело, другими словами, с благами. Реальное справедливое общество есть общество, построенное на правильном соотношении благ, — соотношении, в основе которого лежит как образец идея справедливости. В таком обществе идеальное отношение ценностей воплощается в действительных отношениях вещей и лиц и становится миром человеческой справедливости.

Отсюда видно, каким образом должен быть решен вопрос о так называемой формуле справедливости. В идеальном смысле такая формула дается всем учением о системе ценностей и их иерархических отношениях, но, само собой понятно, такая формула не дает никакого ответа на вопрос об общественном идеале. Идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей. Процесс реализации во времени есть не идеальный, а чисто исторический процесс со своей особой исторической закономерностью. Он подчиняется не законам идеальной необходимости, но чисто опытным законам истории. Отсюда с неизбежностью следует, что в порядок справедливости входят элементы чисто фактического характера. Невозможно дать априорную формулу отношений таких фактических элементов. И невозможно формулировать закон справедливости, имеющий значение для всех времен и для всех условий, — закон, который решил бы все возможные вопросы правовой конкретной организации. Создание такой всеобщей формулы столь же невозможно, как невозможно одинаковое решение всех возможных конкретных математических задач. Формулы справедливости, как и математические формулы, могут быть только примерными образцами и правилами конкретных решений, — и формулировка таких образцов также возможна в вопросах справедливости. Общие законы общественной справедливости могут быть сведены к следующим наиболее основным положениям.

1) Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей.

2) Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей.

3) Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия.

4) Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей.

5) Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности.

Рассмотрим теперь идею справедливости с точки зрения ее возможных носителей и с точки зрения ее воплощений. Воплощаться справедливость может, прежде всего, в личности, оттого она и является одной из добродетелей. С точки зрения носителя справедливость есть личная ценность. Но в то же время носителем справедливости может быть также и коллектив — общество, например, или государство. В этом отношении существует весьма любопытное различие между справедливостью и другими ценностями, имеющими своего возможного носителя в личности, например храбростью, честностью и т. п. Последние также могут воплощаться в коллективах. Может быть храбрый народ или честное государство. Однако эти последние ценности воплощаются в коллективах только постольку, поскольку коллективное существо само имеет характер личности. Коллективные воплощения справедливости могут обладать также подобным личным характером. Но понятие «справедливое государство» имеет и другой, не только личный, смысл. Быть носителем справедливости не только означает «быть способным к добродетели», но также и «обладать особой структурой», «быть особо устроенным», соответствовать особому объективному порядку. «Справедливое государство» не столько есть излучающая из себя добродетель личность, сколько образец объективного социального устройства.

Эти идеи «устройства», порядка предполагают понятие отношения и без него не могут быть построены. Идея отношения неотделима от справедливости, интимно связана с ней, ей внутренне присуща. Справедливость всегда есть отношение, и, спрашивается, кто же может быть его членами? Известный взгляд на право, как на обузданный эгоизм, свидетельствует, что в отношениях, построенных на справедливости и праве, участвуют, прежде всего, и даже

единственно, ценности недуховного порядка. Можно подумать, что отношения справедливости тем и отличаются от отношений чисто нравственных, что первые имеют дело с проявлениями чувственной, физической природы, тогда как во-вторых мы сталкиваемся со стихией истинно духовной. Другое, не менее распространенное воззрение считает право минимумом нравственности и тем самым утверждает, что в порядке справедливости мыслятся те же ценности, что и в нравственном порядке, — ценности по преимуществу этические. Только порядок справедливости предполагает особое, несколько искаженное отношение к нравственным ценностям. Воззрения эти поражают многих своей очевидностью, убедительностью и кажущейся простотой. Действительно, элементом уста новленного правопорядка по большей части выступает человек с его чувственными интересами и материальными потребностями, *смягченными* некоторым минимумом нравственных начал. Но по идее своей справедливость отнюдь не связана с понятием низшей материальной ценности или же ценности непременно нравственной. Всякая ценность, и соответствующее ей благо, может быть элементом истинно справедливого порядка — нравственная и эстетическая, личная и сверхличная, индивидуальная и коллективная, чувственная и духовная. И следует подчеркнуть, что смысл идеи справедливости становится особенно ясным тогда, когда мы отвлекаемся от чисто нравственных и чисто личных ценностей. Отношения между последними суть по преимуществу отношения любви, реализующиеся по преимуществу в чисто нравственном общении церкви, как союзе любви, *как* мистическом теле Божиим. Но отношение к другим родам ценностей, и в частности к ценностям сверхличным, не может и не должно непременно выливаться в любовь. В этой области получает свое оправдание тот акт признания, о котором мы говорили выше. Существование реализованных ценностей на почве общего взаимного признания и есть порядок общественной справедливости, служащий основой для идеи права.

Отсюда ясно, почему понятия эгоизма, свободы и равенства не могут дать сколь-нибудь исчерпывающих характеристик существа, права. Все они, по своему смыслу, относятся к явлениям межличностным, а не к отношениям сверхличных ценностей. Едва ли можно сказать, что наука, будучи признанной правовой ценностью, проявляет свой «эгоизм», обуздание которого и составляет существо соответствующих правоотношений. Или, что право «обуздывает» эгоизм искусства или религии. Со значительной натяжкой можно применять также к правовым явлениям в их целом и идею свободы, также тесно связанную с идеей личности. В некотором смысле она применима к защищаемым правом культурным благам, и выражения: «свобода науки или искусства» представляются довольно обычными. Однако менее обычно говорить о «свободе» какого-либо признанного правом предмета или вещи, например, храма, статуи или хозяйственного блага. Право менее всего защищает их «свободу», так как никакой свободой они и не обладают. Также вполне не соответствующей праву нужно признать и идею равенства. Мы говорим, конечно, не о формальном равенстве перед законом. Здесь идея равенства вполне приложима, так как установленное право должно определять одинаковые способы защиты и одинаковые способы признания ценностей. Мы говорим об идее материального равенства, ставшей неотделимым составным элементом современного, весьма искаженного правосознания. Надо признать, что область приложения идеи материального равенства к правовым ценностям довольно ограничена. Ценностные отношения по существу своему, как мы видели, иерархичны, и поэтому идея равенства менее всего к ним подходит. Могут существовать, конечно, некоторые массовые ценности равного качества, но думать, что все ценности равны, значило бы просто не понимать внутреннего смысла идеи ценности. Оттого правовой порядок, основанный на отрицании степеней ценностей и стремящийся вменить каждому равное, был бы просто искажением идеи справедливости. Из различных видов ценностей более всего на равенство может претендовать личность в смысле носителя возможных актов или деятеля. В этой стихии чистых возможностей поистине все равны, ибо никто не может изведать тех тайников личной души, из которых проистекают добро и зло. Внезапные перерождения погибающих и частые падения достойных свидетельствуют, что истинные глубины добра и зла нам недоступны, а потому мы должны признать за личностью в указанном смысле одинаковое право на существование, должны обеспечить ей сравнительно равные условия проявления ее свойств. Но если мы

перейдем к материальному содержанию личности, к ее проявившимся нравственным и духовным качествам, то о каком же равенстве можно здесь говорить? Если право признает ценность известных добродетелей, разве оно не должно считаться с их степенями? Также бессмысленно настаивать на идее равенства и в области чисто технических ценностей. Неужели более умелый должен стоять на одном уровне с неумелым? И, наконец, различные культурные блага не могут быть по существу своему вполне равными, и только справедливое признание степени их ценности сообразно и соответствует идее права.

Из всех завоевавших себе прочное положение в современной науке правовых понятий наиболее нейтральным является еще понятие ин тереса, если только освободить его от гедонистической и чисто утилитарной окраски. Можно говорить не только об интересе личности, но и об интересах науки, искусства, любого культурного блага и т. п. Интерес есть вообще жизненное проявление ценностного значения. В этом широком смысле можно сказать, что интерес является моментом права, причем не права положительного, но известной части правовой структуры, именно правовых ценностей.

Чтобы формулировать производные понятия, вытекающие из идеи справедливости и с ней связанные, нужно освободить вышеуказанные понятия эгоизма, свободы, равенства и интереса от их узколичного характера. Зерно истины, в них заключающееся, может быть отыскано только тогда, когда содержание их будет расширено до способности выражать не только существо личной ценности, но вообще всех возможных ценностей и благ. И, в частности, идея права вовсе не предполагает свободу лица — внутреннюю или внешнюю, как иногда утверждают, — но множественность родов ценностей и, следовательно, множественность путей их реализации, множественность путей совершенства. «Могущий вместить, да вместит». Этот ценностный плюрализм составляет необходимую предпосылку идеи права. Если угодно, он предполагает идею свободы, но совсем в особом смысле этого слова. Он обнаруживает признание бесконечной свободы в путях приближения к высшему существу. Такая свобода есть идея гораздо более широкая, чем внутренняя или внешняя свобода в современной философии права. Пути совершенства множественны, а потому и свободны. Каждый из этих путей, становясь реальной силой, требует признания на свое существование. Он «имеет право» на осуществление и на жизнь.

Признание этого права соответствует справедливости. Справедливость требует далее, чтобы каждой ценности причиталось ее достойное. Достоинство и честь суть необходимые предположения справедливости, и недаром то мирозерцание, которое не знает и не ценит этих идей, является мирозерцанием неправовым по преимуществу. А так как ценности различаются степенью достоинства и составляют иерархию, то и причитаемое им, конечно, не может быть равным. Идея справедливости в качестве первичной и наиболее глубокой своей предпосылки предполагает не идею равенства, но идею иерархии. Только равному по достоинству может быть причитаемо равное, неравное же предполагает и требует неравное.

<...>

Алексеев Н.Н. Основы философии права. Прага, 1924. с.138-152